

П. С. Плешак, И. А. Хомченкова

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ КАК КОНТЕКСТ КОНТРАСТИВНОСТИ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данной статье рассматриваются употребления показателя POSS.3SG в горномарийском языке. Особое внимание уделяется контекстам с маркированием переключения кодов. Такое маркирование гармонично вписывается в представления о POSS.3SG как о показателе контрастивности. Часто говорящий использует русские слова, когда не может подобрать аналогичные марийские. Маркирование показателем POSS.3SG происходит в связи с т.н. парадоксом наблюдателя или феноменом «лингвистической чистки»: говорящий осознаёт, что лингвист интересуется именно его языком, и пытается скорректировать свою речь в ущерб естественности. Такое метаязыковое использование контрастивного маркера свидетельствует не только о полном разделении двух ментальных лексиконов билингвов, но также и о возможностях метаязыковых операций с ними в определённых условиях.

Ключевые слова: дискурсивная посессивность, переключение кодов, контрастивность, дискурсивный маркер, ментальный лексикон, билингвизм.

Введение

Данное исследование посвящено употреблению посессивного показателя POSS.3SG с функцией маркера контрастивности в контекстах переключения кодов. О непосессивных функциях показателя посессивности, близких к кодированию определённости, в финно-угорских языках существует немало количество работ (Nikolaeva, 2003; Брыкина, Судобина, 2005; Simonenko, 2014). Опустив подробное описание всех факторов, влияющих на употребление показателя POSS.3SG в горномарийском, мы лишь дадим общее представление об их использовании и сконцентрируемся на случаях типа (1), где показатель оказывается на русской лексеме в ситуации поиска соответствующей горномарийской.

1. *ужин...* *ужин-žə* *agəl* [...] *vad-eš* *äške* *šolt-et <...>*
ужин ужин-POSS.3SG NEG вечер-LAT REFL варить-NPST.2SG

‘Ужин... не ужин, вечером готовишь себе’.

Горномарийский показатель *-žə/-žə* не является в прямом смысле грамматикализованным показателем определённости. Его функции регулируются более сложными дискурсивными факторами (Khomchenkova, 2017). Для более подробного исследования дискурсивных функций POSS.3SG, в частности употребления в контексте переключения кодов, был использован корпус текстов, собранных в ходе лингвистических экспедиций ОТиПЛ МГУ в с. Кузнецово Горномарийского района республики Марий Эл. На момент разметки и проведения исследования корпус составлял 61 текст (5,5 ч устной речи).

Ниже будет показано, что обсуждаемое явление представляет собой один из подвидов переключения кодов, и использование в нём маркера *-žə/-žə* не представляет собой исключение, а гармонично вписывается в представления о POSS.3SG как о показателе контрастивности в горномарийском языке.

Структура работы выглядит следующим образом. В разд. 1 представлен обзор социолингвистической ситуации в исследуемом говоре, а также основная теоретическая база, касающаяся взаимовлияния двух языков в ситуации многоязыкового сообщества. В разд. 2

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №18-312-00155 мол_а.

даётся общее представление о дискурсивных функциях показателя POSS.3SG, а в разд. 3 представлен анализ его употреблений в контексте переключения кодов. Разд. 4 завершает статью, обобщая данные и анализ.

1. Социолингвистическая ситуация

Горномарийский язык вместе с луговым марийским входит в финно-угорскую группу уральской языковой семьи. На нём говорят в Горномарийском, Килемарском и Юринском районах Республики Марий Эл. Поскольку исследование проводилось на материале, собранном исключительно в Горномарийском районе, ниже будут оговариваться социолингвистические особенности, релевантные именно для данного языкового сообщества. Более подробно социолингвистическое положение марийских языков описано в (Куклин, 2010; Язык и общество, 2016: 268–272, 746–752; Шабыков, Кудрявцева, 2017).

Анализируемые данные собраны в с. Кузнецово, а также в близлежащих деревнях того же сельского поселения. Все жители являются двуязычными и владеют как родным горномарийским, так и выученным в школе русским языком. Степень сохранности горномарийского языка очень высока: большинство детей усваивает его как родной. Тем не менее, во многих семьях с младшим поколением разговаривают по-русски, особенно при смешанных браках. Постоянное сосуществование горномарийского и русского языков, а также билингвизм в течение многих поколений привели к довольно частой ситуации переключения кодов.

Говоря о социолингвистической ситуации в Горномарийском районе, невозможно не упомянуть и о фоновом влиянии на горномарийский чувашского языка. Горномарийский район граничит с Чувашской республикой, и о марийско-чувашских контактах известно давно (Исанбаев, 1993; Федотов, 1990). Однако, как показывают данные, случаев смешения чувашского и горномарийского не зафиксировано.

Из всех контактных феноменов переключение кодов (code-switching) занимает в исследованиях, пожалуй, лидирующую позицию (Bullock, Toribio, 2009). Однако важно помнить, что оно не является единственным, и отделять его от других смежных явлений. Говоря о переключении кодов, чаще всего имеют в виду способность многоязычного говорящего перемежать фрагменты из различных языков в процессе речи. Мы будем отделять собственно переключение кодов от трансфера – ситуации, когда знание одного языка влияет на другой язык (Weinreich, 1953), и от интерференции – влияния первого языка на усвоение грамматики второго (Ellis, 1997: 51). Сложность чёткого определения и отграничения от других феноменов заключается и в том, что фрагменты самого переключения могут быть различного размера (от слов до целых высказываний). Так, окказиональные заимствования (Poplack et al., 1988) в речи довольно сложно отличать от лексических заимствований. Критерием здесь в основном служит фонологическая интегрированность, однако границы по-прежнему остаются размытыми (Myers-Scotton, 1993).

Ещё одна проблема, осложняющая определение того, какое же именно контактное явление перед нами – контролируемость переключения. Очевидно, что процесс замены лексемы из одного языка лексемой из другого не является умышленным в ситуации воспоминания. Возникают проблемы, если под понятие переключения кодов вкладывать только умышленное и хорошо контролируемое вкрапление элементов одного языка в речь на другом, как часто принято в исследованиях данного явления (Bullock, Toribio, 2009). Всё же такое языковое поведение не является следствием плохого владения носителем одного из языков или смешения систем, было бы не вполне правильно относить его ни к интерференции, ни к трансферу, ни к лексическим заимствованиям. В терминологии Ш. Поплака такое переключение кодов обозначается как *flagged* – маркированное (Poplack, 1987).

Прежде чем перейти непосредственно к обсуждению дискурсивных функций POSS.3SG и его использованию в контексте переключения кодов, необходимо отдать должное предшественникам и упомянуть о том, что уже было исследовано в этой области на материале марийских языков. Смешение кодов не так давно привлекло внимание отечественных учёных (Крысин, 2000). Горномарийский, насколько известно авторам статьи, до настоящего момента оставался за рамками исследований. Существуют работы о переключении между луговомарийским и русским, такие как вставка русской лексики вместо исконной марийской при обозначении дней недели, цветов, чисел и терминов родства. Обсуждается и возможность следования двух морфологических показателей из разных языков, а также смешение синтаксических структур, в основном на стыках клауз. Отмечается использование дискурсивных маркеров из русского языка в марийской речи (Гаврилова, 2013). Помимо спонтанного использования единичных фрагментов из одного языка в процессе речепорождения на другом языке, исследовалось и дублирование как отдельная форма переключения кодов. Повтор одной и той же единицы на двух языках «объясняется колебанием в выборе соответствующей языковой единицы» (Гаврилова, 2012: 59). Наконец, необходимо упомянуть также и исследование окказиональных заимствований из русского в марийский язык (Гаврилова, 2015). Случаи использования лексем из другого языка, не связанные с культурными нововведениями, могут рассцениваться как случаи интерференции (Казанцев, 1993). Как отмечает В. Г. Гаврилова, окказиональные заимствования адаптируются по правилам языка-реципиента, принимая марийскую морфологию, и вступают в синтаксические отношения тоже по правилам марийского языка.

Одна из целей исследования – понимание того, явление какого рода перед нами в горномарийском языке и о чём может свидетельствовать в нём употребление маркера контрастивности. Мы попытаемся ответить на этот вопрос по ходу статьи.

2. Непосессивные функции POSS.3SG

Начало изучения непосессивного употребления посессивных показателей характеризуется повсеместными наблюдениями о семантике определенности посессивных показателей. Некоторые исследователи даже приравнивали POSS.3SG к определенному артиклю. Например, так считал Б. Коллиндер относительно всех уральских языков (кроме прибалтийско-финских, саамских, мордовских и венгерского) (Collinder, 1955: 203). Однако в основном исследователями лишь отмечалось, что многие уральские посессивные суффиксы имеют детерминативное значение, которое есть у определенных артиклей индоевропейских языков (Tauli, 1966: 148).

Со временем начинают использоваться менее категоричные формулировки и просто отмечается возможность непосессивного употребления у посессивных суффиксов в детерминирующей функции. Они употребляются в качестве маркера определенности (Майтинская, 1974: 388; Csúcs, 1990: 42), но их нельзя приравнивать к определенным артиклям, как показано на материале селькупского языка в (Кузнецова и др., 1980: 187), а также К. Фрауруд на данных алтайских и уральских языков (Fraurud, 2001).

И. А. Николаева (Nikolaeva, 2003) не считает посессивные показатели маркерами грамматической категории определенности, но в то же время признает, что посессивные показатели в некоторых уральских языках, могут указывать на возможность идентификации референта. Под идентификацией референта имеется в виду когнитивный статус референта, который может быть однозначно идентифицирован участниками коммуникации в момент произнесения высказывания.

Д. Герланд также не сводит посессивные суффиксы в некоторых уральских языках (коми, удмуртский, нганасанский) к определенным артиклям (Gerland, 2011). Он использует термин «реляционный суффикс» (relational suffix). В непосессивных контекстах он маркирует

референта, который: а) закреплен в дискурсе (anchored) ассоциацией, связанной с культурными знаниями или с дискурсивной ситуацией, или б) семантически или прагматически уникален.

Что касается исследований дискурсивной посессивности в горномарийском языке, то этот вопрос подробно проанализировал Г. М. Тужаров (Тужаров, 1987). Однако он рассматривает как горную, так и лугово-восточную литературные нормы, а также не разделяет функции показателей 1 и 3 лица. Им был выделен ряд функций лично-притяжательных суффиксов 1 и 3 лица единственного числа. Например, оба данных аффикса образуют формы вежливого, почтительного, ласкового обращения; употребляются с целью привлечь внимание того лица, к которому обращаются; указывают на обилие предметов / продолжительность времени; используются в качестве эмфатических и указательно-выделительных частиц.

А. А. Саваткова в грамматике горномарийского языка (Саваткова, 2002) выделяет только следующие значения: указательно-выделительное и вокативное. О действительных и вокативных значениях посессивных показателей в уральских языках (в т. ч. в горномарийском на материалах Г. М. Тужарова) также писала А. И. Кузнецова (Кузнецова, 2003). Она выделяла указательно-выделительное и усилительное значение определенности.

В ходе дальнейшего исследования уход от восприятия показателя POSS.3SG как маркера определенности и переосмысление его как средства выражения более тонких дискурсивных значений будет являться для нас ключевым.

Мы не будем рассматривать функции посессивных показателей других лиц, а ограничимся рассмотрением показателя третьего лица – POSS.3SG, имеющего в горномарийском языке вид *-žâ/-žă* (*-šâ/šă*).

Существует два подхода к определению информационной структуры. Семантический подход относит такие категории, как фокус, к элементам, которые влияют на пропозициональное содержание предложений (например, (Erteschik-Shir, 2007; Kiss, 1995)). Прагматический подход изучает, как идентичные пропозиции получают различное формальное выражение в соответствии с предположением говорящего о знаниях слушающего (Chafe, Li, 1976; Lambrecht, 1994; Nikolaeva, 2001; Vallduví, 1992). При этом различные исследователи выделяют различные категории в информационной структуре, например, тема и рема, топик и комментарий, фокус и фон, контраст, вторичный топик и др. (Erteschik-Shir, 2007; Lambrecht, 1994; Nikolaeva, 2001; Vallduví, 1992).

Информационная структура описывает формальную упаковку информации в предложении, которая помогает управлять потоком информации между говорящим и слушающим. В данной работе мы используем концепцию Р. Томлина (Tomlin, 1997), в которой выделяется клаузальные топик, и фокус, и дискурсивная тема. Под топиком понимается центральный референт, отправная точка (на уровне клаузы – клаузальный топик, на уровне большего фрагмента – дискурсивная тема).

Также мы используем понятие «контраст», см. (Erteschik-Shir, 2007; Lambrecht, 1994; Янко, 2013). Контраст возможен только в том случае, если контекстуально доступно множество альтернатив. Контрастным может быть как фокус (2), так и топик (3). В обоих случаях мы имеем множество вариантов, из которых выбирается один и на котором стоит логическое ударение.

2. В: *Что съела Маша, мед или морковку?*

О: *Она съела [морковку]_{фокус}*

3. В: *Расскажи мне о твоих друзьях Маше и Кате.*

О: *[Маша]_{топик} красивая.*

Рассмотрим подробнее пример (3). Это предложение интерпретируется следующим образом (Erteschik-Shir, 2007):

4. а) *[{Маша_{фокус}, Катя}_{топик}]_{топик} красивая_{фокус}*

б) *Маша, не Катя, красивая.*

Контрастная интерпретация получается вследствие выбора одного элемента (Маша) из множества {Маша, Катя} и исключения другого элемента (Катя) из рассмотрения. При этом элемент все равно может быть произнесен.

Также в (Erteschik-Shir, 2007) выделяются не только контрастивные топики и фокусы, но и рестриктивные. Мы также имеем множество вариантов, из которых выбираем один, однако в данном случае это множество вариантов может не быть эксплицитно задано. Рассмотрим следующий пример:

5. В: *Кто что съел?*

О: *Маша съела яблоко, медведь съел мед, а заяц съел морковку.*

В примере (5) множество едящих задано консигуативно (например, о данных персонажах речь могла идти раньше). При этом множество съеденного задано не было. Таким образом, элементы рестриктивных множеств не обязаны быть заданы открыто, в то время как элементы контрастивных множеств должны.

В данной работе и контрастивные, и рестриктивные множества обозначаются одним понятием контрастивности. Мы используем понятие «контраст» для обозначения коммуникативной категории, возникающей в ситуации выбора из множества.

В поисках дискурсивных факторов, влияющих на употребление показателя *-žā/-žā* (*-šā/šā*), мы исследовали зависимость его употребления от информационной структуры, используя как данные элицитации, так и горномарийский корпус.

Уже на этапе анкетирования носителей было установлено, что чаще всего в горномарийском маркируются ИГ в контрастивном употреблении, как в топике (6), так и в фокусе (7).

6. *ti grušā-žā-m mān' irok kačk-am*
этот груша-POSS.3SG-ACC я утро есть-NPST.1SG
a ti olma-žā-m kod-em
а этот яблоко-POSS.3SG-ACC оставить-NPST.1SG

(Что ты будешь делать с этими фруктами?) 'Эту **грушу** я съем на завтрак, а это **яблоко** оставлю'.

7. *čüč okn'a-žā-m a amasa-žā-m agāl*
закрыть-IMP.2SG окно-POSS.3SG-ACC а дверь-POSS.3SG-ACC NEG
'Закрой **окно**, а не **дверь**'.

Без контрастивности возможно его употребление только в топике (8), в фокусе такие предложения недопустимы (9).

8. *šārgā-štā-(žā) āl-āt pirā-vlā möskā-vlā ur-vlā*
лес-IN-POSS.3SG жить-NPST.3PL волк-PL медведь-PL белка-PL
dā šukā ves zver'-vlā
и много другой зверь-PL

(– Мама, а какие звери живут в лесу?) '– **В лесу** живут волки, медведи, белки и многие другие звери'.

9. *möskā-vlā šārgā-štā-(*žā) āl-āt*
медведь-PL лес-IN-POSS.3SG жить-NPST.3PL

(– Мама, а где живут медведи?) 'Медведи живут **в лесу**'.

Поскольку данные элицитации не могут полностью раскрыть все тонкости употребления в естественном дискурсе, были привлечены корпусные данные. Были рассмотрены 344 вхождения POSS.3SG. Маркируемые данным показателем категории представлены в таблице.

Категории, которые маркируются POSS.3SG

Новый топик в глобальной структуре дискурса	38%
Новый топик в локальной структуре дискурса	22%
Выбор из множества	5%
Контрастивность/выбор из множества	35%

Во-первых, POSS.3SG маркирует **топик в глобальной структуре дискурса**, т.е. дискурсивную тему в терминологии Р. Томлина (Tomlin, 1997): посессивным показателем маркируется центральный референт на уровне, большим, чем клауза.

Рассмотрим для примера отрывки из сказки о животных. Изначально вводятся референты: коза, кот, баран, а позднее волк, медведь и лиса. При описании фоновой информации о перемещениях героев, не ключевых для развития сюжета, посессив POSS.3SG не используется:

10.	<i>kâm-ât-ân=at</i>	<i>kož</i>	<i>vuj-âštâ-žâ</i>	<i>teve,</i>	<i>kož</i>	<i>do-kâ</i>
	3-FULL-COLL=ADD	ель	голова-IN-POSS.3SG	вот	ель	у-ILL2
	<i>möskä,</i>	<i>pirä</i>	<i>dä</i>	<i>ärväž</i>	<i>tol-ât</i>	
	медведь	волк	и	лиса	приходить-NPST.3SG	

‘И вот втроем сидят на верхушке ели, и к ели **медведь, волк и лиса** идут’.

В следующем предложении происходит смена темы (11), центральный референт маркируется, поскольку факт падения барана важен для дальнейшего развития сюжета: вызванные падением этого животного крики кота и козы испугали диких зверей и привели к побегу последних, что позволило домашним животным спокойно вернуться домой.

11.	<i>tišäken</i>	<i>tügü-žä</i>	<i>šäšärm-ält</i>	<i>ke-ä</i>
	здесь	баран-POSS.3SG	вырваться-PUN.CVB	идти-NPST.3SG
	<i>dä</i>	<i>ke-n</i>	<i>vaz-eš</i>	
	и	идти-CVB	ложиться-NPST.3SG	

‘В это время баран поворачивается и падает’.

Аналогичные результаты (отнесение смены дискурсивной темы к одной из функций посессивов) были получены в работе (Кашкин, Панкова, 2011), в которой изучалось посессивное склонение в ижемском диалекте коми-зырянского языка. На материале проведенного эксперимента было выявлено, что в локативных ИГ часто используется посессивное склонение, при условии, что данные ИГ дискурсивно значимы, т.е. локативная ИГ будет маркирована, если она вводит некоторую точку пространства, которая будет упомянута в дальнейшем дискурсе.

Также довольно частотным контекстом оказался **топик в локальной структуре дискурса** (или клаузалный топик в терминологии (Tomlin, 1997)). Например, в (12) маркируется слово *män'er* ‘холст’, поскольку во второй клаузе данного предложения оно становится топиком.

12.	<i>vara</i>	<i>tä</i>	<i>šärtä</i>	<i>dono</i>	<i>ävä-m</i>	<i>män'er-äm</i>	<i>äšt-en=ät,</i>
	потом	тот	нить	с	мать-POSS.1SG	холст-ACC	делать-PRET=ADD
	<i>män'er-žä</i>		<i>gäc-än</i>		<i>salfetkâ-m</i>	<i>äšt-en</i>	
	холст-POSS.3SG		из-FULL		салфетка-ACC	делать-PRET	

‘Потом этой нитью мама сделала **ткань** и из этой **ткани** сделала салфетку, (чтобы накрыть тесто)’.

Кроме того, маркируется **выбор из множества**:

13.	<i>män'ä</i>	<i>tä-šec-än</i>	<i>kok</i>	<i>upražn'en'i-žä-m</i>	<i>vele</i>	<i>äšt-em</i>
	я	тот-EL-FULL	2	упражнение-POSS.3SG-ACC	только	делать-NPST.1SG

‘Я оттуда только **два упражнения** делаю’.

К выбору из множества можно отнести и выбор слова при хезитациях. В ходе лексического поиска происходит подстановка пустой составляющей, которая маркируется посессивом, т.е. можно сказать, что происходит выбор из множества слов в сознании говорящего.

14.	<i>tä-škä</i>	<i>šun-äm</i>	<i>ti</i>	<i>ma-žâ-m,</i>	<i>šun-äm</i>	<i>agâl</i>
	тот-ILL	глина-ACC	этот	что-POSS.3SG-ACC	глина-ACC	NEG

‘Туда глину, **ну это**, не глину’.

К **контрастивному употреблению** мы отнесли и контрастный топик (95%) как в примере (15), и контрастный фокус (5%) как в примере (16).

15.	<i>sämäräk-vlä-žä</i>	<i>ke-n</i>		<i>kolt-en-ät</i>
	молодой-PL-POSS.3SG	идти-CVB		слать-PRET-3PL
	<i>šongâ-vlä-žä</i>	<i>uže</i>	<i>čädä-n</i>	<i>kod-än-ät</i>
	старый-PL-POSS.3SG	уже	мало-ADV	остаться-PRET-3PL

‘Вот **молодые** уехали, а **стариков** мало осталось’.

16.	<i>a</i>	<i>käžät</i>	<i>täštäken</i>	<i>kod-än-ät</i>	<i>ik</i>	<i>toma</i>	<i>žiloj-žä</i>
	а	сейчас	там	оставаться-PRET-3PL	1	дом	жилой-POSS.3SG
	<i>näl</i>	<i>toma</i>	<i>pusta</i>				
	4	дом	пустой				

‘Ну в настоящее время там остался 1 дом **жилой**, а 4 пустующие’.

Как уже было сказано, неконтрастный фокус типично остается немаркированным, однако влияние контраста перевешивает влияние фокуса, в результате чего иногда носители маркируют контрастный фокус.

Таким образом, в горномарийском языке функции посессивного показателя POSS.3SG объединяет идея контраста. На уровне ИГ это собственно выбор референта из множества участников. Данное значение распространяется на более высокие уровни. В информационной структуре контрастные топик и фокус также анализируются как выбор из множества альтернатив (Erteschik-Shir, 2007; Repp, 2010). Аналогично «введение нового топика» на уровне глобальной структуры подразумевает выбор топика из множества вариантов в дискурсе, активированных до некоторой степени в сознании говорящего и слушающего.

Подгруппа примеров с переключением кодов, которой и посвящена данная статья, также относится к контрастивным контекстам. Рассмотрим это подробно в следующем разделе.

3. Употребление POSS.3SG при переключении кодов

Контрастивное употребление показателя POSS.3SG встречается, когда говорящий подчеркивает, что произнесенное им слово относится именно к одному языку, а не к другому. Существует два главных типа такого употребления POSS.3SG.

Во-первых, POSS.3SG может маркировать русское слово, когда говорящий пытается вспомнить его марийское соответствие (17). Отметим отдельно, что фрагментами переключения являются в первую очередь отдельные слова. Они могут быть из различных пластов лексики и различных частей речи. Не во всех случаях они имеют горномарийский эквивалент. Так, в словаре не находится марийского перевода для слова «вождь» (Саваткова, 2008).

17. *вождь-šă* *vot kâce mar-la li-eš* *vot ä?*
вождь-POSS.3SG вот как мари-EQU статья-NPST.3SG вот а

‘Вождь-то вот как по-марийски будет вот, а?’

Такие слова не адаптированы фонологически, однако среди них встречаются спрягаемые формы глаголов, причём уже сама глагольная морфология тоже является марийской.

18. *osvobodaj-en-ät-šă* *kâce li-eš* *mar-la-žă*
освободить-PRET-3PL-POSS.3SG как статья-NPST.3SG мари-EQU-POSS.3SG

‘Как будет “освободили” по-марийски?’

Вопрос о том, насколько глаголы, спрягаемые согласно правилам горномарийской морфологии, являются окказионально заимствованными, пока является открытым.

Тем не менее, во всех этих контекстах присутствует осознание говорящим того, что он вставляет «инородный элемент» в речь и осуществляет параллельно с этим поиск нужного, исконного элемента.

Во-вторых, POSS.3SG маркирует название языка, выделяя вхождения иноязычных слов в дискурсе (19). Другими словами, говорящий осознает, что произнесенное им только что слово принадлежит другому языку (русскому), а не целевому (горномарийскому) – тому, на котором он и планировал произнести слово. Стоит отметить, что в неконтрастивных контекстах названия языков остаются немаркированными (20).

19. *mar-la-žă* *kâce tädă-m* *man-măla a-m* *pälă*
мари-EQU-POSS.3SG как тот-ACC говорить-DEB NEG.NPST-1SG знать

(Железо...) ‘По-марийски не знаю, как...’

20. *ipolit lobanof sir-ä* *mar-la-(*žă)*
И. Л. писать-NPST.3SG мари-EQU-POSS.3SG

piš kogo-n vn 'atno

очень большой-ADV внятно

‘Ипполит Лобанов пишет по-марийски очень внятно’.

Такие примеры, в которых присутствует маркирование переключения кодов или номинации языка, занимают одну пятую всех контрастивных контекстов в корпусе.

Приняв во внимание и то, что вкраплениями являются отдельные слова, которые не претерпели фонологической адаптации, и то, что «инородность» лексемы осознаётся говорящим, мы считаем, что перед нами ситуация маркированного переключения кодов, не выходящая из-под контроля говорящего – полноценного носителя обоих языков.

4. Выводы

То, как происходит порождение речи билингва, и в особенности то, как устроен его ментальный лексикон, уже давно интересует исследователей. Существует много разных моделей ментального лексикона билингвов, например, Модифицированная иерархическая модель (Revised Hierarchical Model, Kroll, Stewart, 1994) или же Модель распределенных признаков (Distributed Feature Model, De Groot, 1992).

Большинство теорий сходится на том, что модель, описывающая двуязычную речь, содержит два параллельных лексикона (Green, 1998; Wei, 2009). В текущей работе мы используем модель активации лексем, предложенную в (Wei, 2009) и адаптированную из более ранней работы (Myers-Scotton, Jake, 2000), согласно которой в голове говорящего концепты формируются в виде пучков признаков и далее на уровне лемм выбирается та, которая отвечает соответствующему пучку признаков. В системе билингва присутствуют, как уже упоминалось, два лексикона, и таким образом, выбор оказывается более трудным, чем в случае монолингва. Несмотря на то, что один из языков всегда более активирован в сознании говорящего (матричный язык в модели Майерс-Скоттон), есть случаи, когда преимущество получает менее активированный язык. Часто леммы в двух языках лексикализуют несколько различные пучки признаков. Тогда, если лемма из второго языка больше соответствует требуемому пучку признаков, выбирается именно она и внедряется в предложение на матричном языке.

Такая модель кажется достаточно простой и интуитивно адекватной. Однако мозг билингва представлен в ней как некоторая идеальная машина, осознанно выбирающая всякий раз наиболее подходящее, каждый раз осознавая раздельность двух лексиконов и не смешивая их. В только что рассмотренном нами случае, как показывает употребление маркера контрастивности, носитель по-прежнему осознаёт наличие двух параллельных лексиконов, из которых может осуществляться выбор. Однако оказывается, что лексикализация различных пучков признаков двумя языками признаётся им не в полной мере. За неимением подходящего горномарийского слова для понятия «вождь», говорящий выбирает русское слово, поскольку именно оно наиболее полно выражает нужные признаки. При этом человек пытается найти в параллельном лексиконе точно такое же слово, веря в полный параллелизм лексиконов.

Такое поведение могло бы свидетельствовать о ситуации трансфера, когда знание русского языка (и системы лексикализации признаков в нём) влияет на представление о марийском лексиконе. Однако это кажется маловероятным, поскольку именно горномарийский является в нашем случае первым языком, и именно он в первую очередь должен был повлиять на русский. Кроме того, в этом случае скорее бы предсказывался ошибочный подбор наиболее близкой по смыслу горномарийской лексемы. Мы предполагаем, что перед нами некоторое более сложное явление, связанное с парадоксом наблюдателя (Labov, 1972). Д. Пинеда охарактеризовал это как феномен «лингвистической чистки» (Пинеда, 2007), когда информант осознаёт, что лингвист интересуется именно его формой языка, и пытается скорректировать свою речь в ущерб естественности.

Таким образом, метаязыковое использование контрастивного маркера свидетельствует не только о полном разделении двух ментальных лексиконов билингвов, но также и о возможностях метаязыковых операций с ними в определённых условиях.

Список условных сокращений:

1-3 – лица, ACC – аккузатив, ADD – аддитивная частица, ADV – адвербиализатор, COLL – собирательное числительное, CVB – конверб, EQU – экватив, DEB – дебитатив, FULL – полная форма, ILL(2) – иллатив, IN – инессив, IMP – императив, LAT – латив, NEG – отрицание, NPST – непрошедшее время, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRET – претерит, PUN – пунктив, REFL – рефлексив, SG – единственное число.

Список литературы:

- Брыкина М. М., Судобина А. Н.** Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков) // Четвертая типологическая школа (21–28 сентября 2005 г., Ереван). – М.: РГГУ, 2005. – С. 98–101.
- Гаврилова В. Г.** Дублирование как одно из проявлений переключения // Финно-угорский мир. – 2012. – № 3–4. – С. 56–59.
- Гаврилова В. Г.** Марийско-русское переключение и смешение кодов // Вестник Удмуртского университета. 2. Серия «История и филология». – 2013. – С. 16–22.
- Исанбаев Н. И.** Марийско-тюркские языковые контакты. Научный доклад ... д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 1993.
- Казанцев Д. Е.** Двужычие в Республике Марий Эл: современное состояние и проблемы // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. – Йошкар-Ола, 1993. – № 1. – С. 55–66.
- Кашкин Е. В., Панкова М. С.** Экспериментальное исследование употребления посессивного склонения в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. – 2011. – Т. VII, ч. 3. – С. 82–87.
- Крысин Л. П.** Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник. – Красноярск, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 61–64.
- Кузнецова А. И.** Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. – Ижевск, 2003. – С. 249–259.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.** Очерки по селькупскому языку. Т. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1980.
- Куклин А. Н.** Особенности функционирования марийского языка в Урало-Поволжской историко-этнографической области // Финно-угорский мир. – 2010. – № 1. – С. 17–23.
- Майтинская К. Е.** Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / под ред. В. Лыткина, К. Майтинской, К. Редеи. – М., 1974. – С. 383.
- Пинеда Д.** К проблеме «парадокса наблюдателя» и переключение кодов // Полярный вестник. – 2007. – Т. 10. – С. 40–52.
- Саваткова А. А.** Горное наречие марийского языка. – Bibliotheca Ceremissica. TV-Savariae, 2002.
- Саваткова А. А.** Словарь горномарийского языка. 2-е изд., перераб. и доп. – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 2008.
- Тужаров Г. М.** Грамматические категории имени существительного в марийском языке. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1987.
- Федотов М. Р.** Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990.
- Шабьков В. И., Кудрявцева Р. А.** Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ // Урало-алтайские исследования. – 2017. – № 3. С. 208–229.
- Язык и общество. Энциклопедия – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016.
- Янко Т. Е.** Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Litres, 2013.
- Bullock B. E., Toribio A.** (Eds.) The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Chafe W. L., Li C. N.** Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View in Subject and Topic. – 1976
- Collinder B.** Fenno-Ugric vocabulary. – Almqvist & Wiksell, 1955.
- Csúcs S.** Chrestomathia votiacica. – Tankönyvkiadó, 1990.
- De Groot, A.M.B.** Bilingual lexical representation: A closer look at conceptual representations. In R. Frost and L. Katz (eds.) Orthography, Phonology, Morphology, and Meaning (P. 389–412). – Amsterdam: Elsevier, 1992.
- Ellis R.** Understanding Second Language Acquisition. – Oxford: Oxford University Press, 1986.

- Erteschik-Shir N.** Information structure: The syntax-discourse interface. Т. 3. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Fraurud K.** Possessives with extensive use // Dimensions of possession. – 2001. – Т. 47. – С. 243.
- Gerland D.** From possessive suffixes to definite articles // Handout for LSALAA. – 2011.
- Green D. W.** Mental control of the bilingual lexico-semantic system // Bilingualism: Language and cognition. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 67–81.
- Khomchenkova I. Discourse use of the possessive affix 3SG in Hill Mari // 50th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Zurich, 10–13 September 2017). Book of abstracts. – Zurich, 2017. – P. 381–383
- Kiss K. É.** Discourse configurational languages. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Kroll J., Stewart E.** Category interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations // Journal of Memory and Language. – 1994. – Vol. 33. – P. 149–174.
- Labov W.** Some principles of linguistic methodology // Language in Society 23. – 1972. – P. 97–120.
- Lambrecht K.** Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus, and the Mental Representations of Discourse Referents. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Myers-Scotton C.** Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. – Oxford and New York: Oxford University Press, 1993.
- Myers-Scotton C., Jake J. L.** Four types of morpheme: Evidence from aphasia, code switching, and second-language acquisition // Linguistics. – 2000. – № 38 (6). – С. 1053–1100.
- Nikolaeva I.** Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics. – Walter De Gruyter & CO. – 2001. – Т. 39, № 1. – С. 1–50.
- Nikolaeva I.** Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers. – Izhevsk, 2003. – С. 130–145.
- Poplack Sh.** Contrasting patterns of code-switching in two communities // E. Wande, J. Anward, B. Nordberg, L. Steensland and M. Thelander (eds.). Aspects of multilingualism: Proceedings from the Fourth Nordic Symposium on Bilingualism, 1984. – Uppsala: Borgströms, 1987. – С. 51–77.
- Poplack Sh., Sankoff D., & Miller C.** The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // Linguistics. – 1988. – № 26(1). – С. 47–104.
- Repp S.** Defining 'contrast' as an information-structural notion in grammar // Lingua, Elsevier. – 2010. – Т. 120, № 6. – С. 1333–1345.
- Simonenko A.** Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // Proceedings of the 34th annual meeting of the North East Linguistic Society. – 2014. – С. 127–140.
- Tauli V.** Structural Tendencies in Uralic Languages. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 17. London // The Hague, Paris: Mouton. 1966.
- Tomlin R. S.** Discourse semantics. Discourse as structure and process. 1997.
- Vallduví E.** The Informational Component, Outstanding Dissertations in Linguistics / New York: Garland, 1992.
- Wei L.** Code-switching and the bilingual mental lexicon // Bullock B. E., Toribio A. (Eds.) The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – С. 270–288.
- Weinreich U.** Languages in Contact. The Hague: Mouton, 1953.

Плешак Полина Сергеевна, студент магистратуры.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Ул. Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991.

E-mail: polinapleshak@yandex.ru

Институт языкознания Российской академии наук.

Большой Кисловский пер., 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

Хомченкова Ирина Андреевна, студент магистратуры.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Ул. Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991.

E-mail: irina.khomchenkova@yandex.ru

Институт русского языка им. В. В. Виноградова.

Ул. Волхонка, 18/2, Москва, Россия, 119019.

Материалы поступили в редакцию 13 сентября 2018 г.

P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova

CODE-SWITCHING AS A CONTRASTIVE CONTEXT IN HILL MARI

This paper deals with the use of the marker POSS.3G with the form -žâ / -žă / -šâ / -šă in Hill Mari – one of the Finno-Ugric languages. This affix not only marks prototypical possessive relations (part-whole, kinship, etc.), but also has discourse functions. The discourse meanings of POSS.3SG are bound by the semantics of SELECTION FROM A SET, which brings together the use of the same marker on the levels of referential properties, topic-focus structure and global discourse structure, sometimes involving their interaction. The contexts with the marked code-switching are in the main focus of the paper. This marking fits the notion of POSS.3SG as a contrastive marker. The speaker often uses Russian words, when they fail to select corresponding Hill Mari ones. Possessive marking is met in light of so called Observer's Paradox or "linguistic cleaning": the speaker is conscious that the linguist is interested in their language in particular and tends to correct the speech to the detriment of the naturalness. Such metalinguistic usage of the marker of contrastiveness serves as the evidence not only of the separation of two mental lexicons of bilingual speakers, but also of the possibility of metalinguistic operations with them in some circumstances.

Key words: *discourse possessiveness, code-switching, contrastiveness, discourse marker, mental lexicon, bilingualism.*

References:

- Bullock B. E., Toribio A.** (Eds.) The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Brykina M. M., Sudobina A. N.** Posessivnyje pokazateli v roli diskursivnykh markerov (na materiale nekotorykh uraljskikh jazykov) [Possessive markers in discourse use (on the data of some Uralic languages)] // Chjetvertaja tipologičeskaja shkola (21–28 sentjabrja 2005 g., Jerevan). – M.: RGGU, 2005. – P. 98–101. (in Russian)
- Chafe W. L., Li C. N.** Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View in Subject and Topic. – 1976
- Collinder B.** Fenno-Ugric vocabulary. – Almqvist & Wiksell, 1955.
- Csúcs S.** Chrestomathia votiacica. – Tankönyvkiadó, 1990.
- De Groot, AM. B.** Bilingual lexical representation: A closer look at conceptual representations / R. Frost and L. Katz (eds) Orthography, Phonology, Morphology, and Meaning (P. 389–412). – Amsterdam: Elsevier, 1992.
- Ellis R.** Understanding Second Language Acquisition. – Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Erteschik-Shir N.** Information structure: The syntax-discourse interface. T. 3. – Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Fedotov M. R.** Chuvashskomarijskije jazykovyje vzaimosvjazi [Chuvash-Mari language contact]. – Saransk, 1990. (in Russian)
- Fraurud K.** Possessives with extensive use // Dimensions of possession. – 2001. – Vol. 47. – P. 243. (in Russian)
- Gavrilova V. G.** Dublirovanije kak odno iz projavlenij perekljuchenija [Doubling as one of the instances of the switching] // Finno-ugorskij mir. – 2012. – Vol. 3–4. – P. 56–59. (in Russian)
- Gavrilova V. G.** Marijsko-russkoje perekljuchenije i smeshenije kodov [Mari-Russian code-switching and code-mixing] // Vjestnik Udmurtskogo universiteta, 2. Sjerija «Istorija i filologija». – 2013. – P. 16–22. (in Russian)
- Gavrilova V. G.** Okkazionaljne zaimstvovanija v ustnoj reči mari [Occasional borrowings in the Mari spoken language] // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – №. 4-2 (46). – P. 68–70. (in Russian)
- Gerland D.** From possessive suffixes to definite articles // Handout for LSALAA. – 2011.
- Green D. W.** Mental control of the bilingual lexico-semantic system // Bilingualism: Language and cognition. – 1998. – Vol. 1, № 2. – P. 67–81.
- Isanbajev N. I.** Marijsko-tjurkskije jazykovyje kontakty [Mari-Turkic language contact]. Nauchnyj doklad ... d. f. n. – Joskar-Ola, 1993. (in Russian)
- Janko T. E.** Kommunikativnyje strategii russoj reči [Communicative strategies of Russian speech]. – M.: Litres, 2013. (in Russian)
- Jazyk i obscestvo. Entsiklopedija [Language and society. Encyclopaedia] – M.: Izdateljskij tsentr «Azbukovnik», 2016. (in Russian)

- Kashkin E. V., Pankova M. S.** Eksperimentalnoje issledovanie upotreblenija possessivnogo sklonenija v izhemskom dialekte komi-zyrjanskogo jazyka [Experimental research of the usage of the possessive declension in Izhma-Komi] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. – 2011. – P. 82–87. (in Russian)
- Kazantsev D. E.** Dvujazychie v respublike Marij El: sovremennoe sostojanie i problemy [Bilingualism in the Mari El Republic: the modern state and problems] // Marij El: vchera, segodnja, zavtra. – Joshkar-Ola, 1993. – № 1. – P. 55–66. (in Russian)
- Khomchenkova I. Discourse use of the possessive affix 3SG in Hill Mari // 50th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Zurich, 10–13 September 2017). – Book of abstracts. – Zurich, 2017. – P. 381–383.
- Kiss K. É.** Discourse configurational languages. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Kroll J., Stewart E.** Category interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations // Journal of Memory and Language. – 1994. – Vol. 33. – P. 149–174.
- Krysin L. P.** Kodovyje pereključenija kak komponent rechevogo povedenija cheloveka [Code-switching as a component of the human's speech behavior] // Rechevoje obschenije: spetsializirovannyj vestnik. – Krasnojarsk, 2000. – Vyp. 3 (11). – P. 61–64. (in Russian)
- Kuznetsova A. I.** Kumuljatsija grammaticheskikh znachenij v aggljutinativnykh pokazateljakh: dejktichjeskije funktsii possessiva v uraljskikh jazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinating markers] // Mezhdunarodnyj simpozium po dejktichjeskim sistjemam i kvantifikatsii v jazykakh Jevropy i Severnoj i Tsentralnoj Azii. Sbornik statej. – Izhevsk, 2003. – P. 249–259. (in Russian)
- Kuznetsova A. I., Khjelimskij E. A., Grushkina E. V.** Ocherki po seljkupskomu jazyku. [Selkup studies] – T. 1. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1980. (in Russian)
- Labov W.** Some principles of linguistic methodology // Language in Society. – 1972. – Vol. 23. – P. 97–120.
- Lambrecht K.** Information Structure and Sentence Form: Topic, Focus, and the Mental Representations of Discourse Referents. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Majtinskaja K. J.** Voprosy sravniteljnogo sintaksisa finno-ugorskikh jazykov [Some questions on the comparative syntax of Finno-Ugric languages] // Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Voprosy proiskhozhdenija i razvitija finno-ugorskikh jazykov / pod red. V. Lytkin, K. Majtinskaja, K. Redei. – M., 1974. – P. 383. (in Russian)
- Myers-Scotton C.** Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. – Oxford and New York: Oxford University Press, 1993.
- Myers-Scotton C., Jake J. L.** Four types of morpheme: Evidence from aphasia, code switching, and second-language acquisition // Linguistics. – 2000. – Vol. 38 (6). – P. 1053–1100.
- Nikolaeva I.** Secondary topic as a relation in information structure // Linguistics. Walter De Gruyter & CO. – 2001. – Vol. 39, № 1. – P. 1–50.
- Nikolaeva I.** Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers. – Izhevsk, 2003. – P. 130–145.
- Pineda D.** K probleme “paradoksa nabljudatelja” i pereključenije kodov [On the “observer’s paradox” and code-switching] // Poljarnyj vestnik. – 2007. – Vol. 10. – P. 40–52. (in Russian)
- Poplack Sh.** Contrasting patterns of code-switching in two communities / E. Wande, J. Anward, B. Nordberg, L. Steensland and M. Thelander (eds.), Aspects of multilingualism: Proceedings from the Fourth Nordic Symposium on Bilingualism, 1984. – Uppsala: Borgströms, 1987. – C. 51–77.
- Poplack Sh., Sankoff D., & Miller C.** The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // Linguistics. – 1988. – № 26 (1). – P. 47–104.
- Repp S.** Defining ‘contrast’ as an information-structural notion in grammar // Lingua, Elsevier. – 2010. – Vol. 120, № 6. – C. 1333–1345.
- Savatkova A. A.** Slovarj gornomarijskogo jazyka. [Hill Mari dictionary] – 2-e izd., pererab. i dop. – Joshkar-Ola: Marijsk. kn. izd-vo, 2008. (in Russian)
- Savatkova A. A.** Gomoje narechije marijskogo jazyka [The Hill Mari language]. – Bibliotheca Ceremissica. TV-Savariae, 2002. (in Russian)
- Shabykov V.I., Kudrjavtseva R. A.** Jazykovaja situatsija v Respublike Marij El v nachale 2010-kh godov: sotsiolingvisticheskij analiz [Language situation in the Mari El Republic in early 2010-s: sociolinguistic analysis] // Uralo-altajskie issledovanija. – 2017. – № 3. – P. 208–229. (in Russian)
- Simonenko A.** Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // Proceedings of the 34th annual meeting of the North East Linguistic Society. – 2014. – P. 127–140.

Tauli V. Structural Tendencies in Uralic Languages. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series 17. London // The Hague. Paris: Mouton, 1966.

Tomlin R. S. Discourse semantics. Discourse as structure and process. – 1997.

Tuzharov G. M. Grammaticheskiye kategorii imeni suschestvitel'nogo v marijskom Jazyke [Grammatical nominal categories in Mari]. – Joshkar-Ola: Marijskoje knizhnoje izd-vo, 1987. (in Russian)

Vallduví E. The Informational Component, Outstanding Dissertations in Linguistics. – New York: Garland, 1992.

Wei L. Code-switching and the bilingual mental lexicon // Bullock B. E., Toribio A. (Eds.) The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 270–288.

Weinreich U. Languages in Contact. – The Hague: Mouton, 1953.

Pleshak Polina Sergeevna, magistracy student.

Lomonosov Moscow State University.

Ul. Leninskije gory, 1, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: polinapleshak@yandex.ru

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, Russia, 125009.

Khomchenkova Irina Andreevna, magistracy student.

Lomonosov Moscow State University.

Ul. Leninskije gory, 1, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: irina.khomchenkova@yandex.ru

Vinogradov Russian Language Institute, RAS.

Ul. Volhonka, 18/2, Moscow, Russia, 119019.